

ИССЛЕДОВАНИЯ

Светлана Маслинская

ПОЧЕМУ Д. Н. МАМИН-СИБИРЯК СТАЛ ГЛАВНЫМ ДЕТСКИМ ПИСАТЕЛЕМ (К ПРОБЛЕМЕ СТАНОВЛЕНИЯ КАНОНА РУССКОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

В последней трети XIX в. в условиях увеличившегося количества писателей, адресующих свои произведения детям, начинает складываться их иерархия. Ранжированием детских писателей занимаются педагоги, на страницах профессиональной периодики обсуждая достоинства и недостатки тех или иных претендентов на вхождение в канон национальной детской литературы. Д. Н. Мамин-Сибиряк представляет собой интересный пример конструирования репутации «главного детского писателя». На материале педагогической критики рубежа XIX–XX вв. прослежены основные векторы создания репутации писателя (обретение писательского дара, личные качества, художественный метод) и дискурсивные механизмы ее конструирования (выделение писателя из ряда подобных писателей народнического толка, исключение из «взрослых» писателей, приписывание специфических черт детского писателя). Определенные качества личности и творчества Мамина-Сибиряка (детолюбие, любовь к природе, приверженность реалистическому методу, народнические идеалы, оптимизм, умение описывать экзотизм уральского быта и пейзажа) способствовали выдвижению его на роль «корифея детской литературы».

Ключевые слова: Д. Н. Мамин-Сибиряк, детская литература, канон национальной детской литературы, педагогическая критика детской литературы, реализм, регионализм.

Изучая строение литературной писательской иерархии рубежа XIX–XX вв., исследователи редко обращают внимание на тот факт, что в этот период появился новый вид профессиональной занятости литератора — создание произведений для детей.

По сложившейся к последней четверти XIX в. практике карьера писателя, создающего книжки для детей, была тесно связана

с педагогической деятельностью: многие получили педагогическое образование, работали учителями, а потом занимали чиновничьи посты в управлении образованием. Одни, как Л. Н. Толстой, создавали свои образовательные проекты, другие — участвовали в чужих. Однако в этот же период начался процесс выхода детской литературы из-под педагогической опеки. Неверно будет утверждать, что педагоги ослабили свой контроль над детским чтением и детской литературой, но появились литераторы, никак не аффилированные с цехом педагогов. В 1926 г. известный специалист в области детской литературы Николай Саввин констатировал, что в 1890-е гг. «произошёл отрыв детского писателя от писателя-педагога, и детская литература стала идти от общей, от неё завися и от неё беря своих писателей» [Саввин 1926, 4].

Процесс выделения из многолюдного и разнопланового писательского цеха новой категории автора — писателя для детей — заслуживает самого пристального исследовательского внимания, потому что проливает свет на центробежные механизмы расщепления идейно-эстетических группировок и школ литераторов, еще недавно имевших четкие границы, и появление на рубеже XIX–XX вв. новых стратегий писательской карьеры. Одной из таких стратегий был осознанный выбор писателем своей читательской аудитории: читатели из народа, дети, женщины и т. п. Одну из групп массового читателя, имеющую возможность досугового чтения, составляли самостоятельно читающие дети, встречно появляется специализация литератора — писать для детей.

И писатели-педагоги, и писатели *per se*, адресовавшие свое творчество детям, составляли довольно внушительную по численности группу. Это десятки литераторов, трудящихся в столицах и провинции на почве взращивания детской литературы. Столь многочисленная группа неизбежно должна была привлечь внимание критиков. Этого не произошло: для читающей элиты и критики 1890-х гг. наличие или отсутствие такого типа писателя не представляло интереса. Внимание к тем, кто пишет для детей, проявляли исключительно педагоги: на страницах педагогической периодики публиковались рецензии на новинки литературы для детей и различные обзоры книжного потока для юных читателей. «Взрослая» критика обращалась к детской литературе эпизодически, постольку, поскольку кто-то из авторов «общей» литературы брался написать произведение для детей. Таких писателей становилось все больше, и Д. Н. Мамин-Сибиряк — один из них. Именно он стал лидером в списке наиболее популярных писателей у отечественных

критиков детской литературы, выступавших на страницах педагогической периодики.

Подсчет упоминаний имени Мамина-Сибиряка в рецензиях, критических статьях и обзорах показал, что он опережает и Л. Н. Толстого, и А. С. Пушкина¹. Педагоги писали о Мамине-Сибиряке как авторе детской литературы, как авторе вышедших новинок для детей, характеризовали его творчество в целом и сравнивали с другими отечественными литераторами, пишущими для детей. Упоминание его имени встречается в два раза чаще, чем упоминания А. Пушкина и А. Круглова, Н. Гоголя и В. Авернарису. В чем причина столь серьезного отрыва Д. Н. Мамина-Сибиряка от других писателей: как от современников, чье творчество было адресовано детям, так и от тех, чьи произведения вошли в детское чтение к концу XIX в. будучи «классическим наследием»? Как получилось, что автор «Аленушкиных сказок» стал самым популярным объектом внимания в педагогической критике?

Первое упоминание Мамина-Сибиряка приходится на 1885 г. в статье «Воспитательное значение отечественных писателей для начальной школы», опубликованной в журнале «Русский начальный учитель» [Шаталов 1885], в которой упоминается рассказ «Емеля-охотник», опубликованный в 1884 г. Первые отзывы о Мамине-Сибиряке были сдержанными. Критики указывали на причину неудачи у детей «Емели-охотника»: «Слишком уж преобладает в нем описательный и повествовательный элементы», отсутствует «связная фабула», «недостаток движения» [В-лин 1893, 99]. Жалость старика к олененку трактуется как надуманный повод, тем более что есть более серьезные основания жалеть Гришутку, мать которого растерзал волк.

Это пример редкой негативной критики Мамина-Сибиряка, напротив, преимущественная оценка его творчества для детей в 1880–1920-е гг. — положительная. Уже в 1890-е гг. педагоги и критики, как, например, В. Острогорский или позднее, в 1905 г., Н. Абрамович, даже не прибегали к аргументам. Они просто констатировали, что Мамин-Сибиряк — выдающийся беллетрист и детский писатель [Острогорский 1895; Абрамович 1905]. Спустя двадцать лет А. М. Калмыкова будет утверждать, что Мамин-Сибиряк (в числе других) «высоко поставил наши требования к детской литературе» [Калмыкова 1924]. Проследим, как на протяжении 1890–1910-х гг. сложился образ «выдающегося детского писателя», обладающего рядом отличительных черт. Критики аргументировали свою высокую оценку творчества Мамина-Сибиряка, обращаясь к харак-

теристике его личности, его творческого метода и характера его отношения к своим читателям.

Неразрывная связь «личности» и творчества к моменту второй половины XIX в. в русской критике уже имела развитую традицию толкования, уходящую корнями в эстетику романтизма. Истоки литературного таланта, социально-психологические предпосылки рождения гения, принципы «наследования» и другие вопросы занимали тех, кто осмыслял литературный труд как особый вид человеческой деятельности. Критики, размышлявшие о природе детского писателя, также оперировали понятиями «писательский дар», «талант», «корифей», «мастер», «дарование» и пр.

Источником особого дара писать для детей у Мамина-Сибиряка, по мнению критиков, явилось его детство. Д. И. Тихомиров, ставя Мамина-Сибиряка в один ряд с М. Н. Богдановым и Д. Н. Кайгородовым, замечает:

Эти прекрасные книги написаны под диктовку впечатлений детства, написаны живо, увлекательно, с полным знанием дела, и произведут несомненно доброе впечатление на детей младшего и среднего возраста, если будут толково прочитаны при участии взрослого, — на каждый раз понемногу [Тихомиров 1985, 44].

Вторая причина особого таланта Мамина-Сибиряка — это свойство его личности, которое можно обобщить формулой «сам как ребенок». И. Соловьев в 1912 г., уже после смерти писателя, писал:

Несомненно, в душе нашего писателя были особенности, роднящие его с детской психикой. <...> Это была, по основному своему складу, натура психически уравновешенная, жизнерадостная, любящая жизнь и в нее верящая. Свежо и непосредственно впитывает он в себя впечатления бытия, по-детски раскрытыми глазами смотрит на Божий мир. Он его захватывает, увлекает, художник искренно проникается им, его наблюдает, зорко в него смотрит. Мамин не любит уходить в свои интимные, личные переживания, он всего менее лирик. Своих настроений он не будет навязывать читателю. Чутко и правдиво отображая жизнь, Мамин заведомо отстраняет себя, так как знает, что она несравненно шире и богаче каждого из нас [Соловьев 1912, 100].

Далее он продолжал, что с детьми Мамина-Сибиряка роднит «жизнерадостность и оптимистичность его души» [Соловьев 1912, 101]. Эти черты Мамина-Сибиряка позволили ему развить в себе дар «непосредственного постижения их [детей — С. М.] психики. <...> Этот дар наш писатель-педагог упрочил в себе не сразу» [Соловьев 1912, 102]. Но уже в 1895 г. к чести Мамина-Сибиряка сооб-

щалося, что он «раскрывает нам тайники детской души» [Ермилов 1895, 51].

В какой-то степени, и, пожалуй, с точки зрения критики, в определяющей степени, этот дар развился под влиянием личных обстоятельств:

... жизнь поставила его лицом к лицу с ребёнком, дочерью, оказавшейся после смерти матери на его руках, и он понял, что у детей есть другой мир, есть свои интересы, чуждые большинству взрослых, своя точка зрения на окружающую жизнь. И он вошёл в этот мир, усвоил себе эту детскую точку зрения, и оставаясь тем же талантливым писателем, заговорил со своей дорогой Алёнушкой совсем иным языком об иных вещах; и в «Алёнушкиных сказках» и в «Сказках и рассказах для детей» и в др. произведениях Мамина-Сибиряка, мы имеем, действительно, выдающиеся детские книги, написанные с любовью к детям и с глубоким пониманием детской души. [Чехов 1915, 42–43]

Спустя десять лет М. Имшенецкая будет утверждать еще более категорично: Мамин-Сибиряк «сделался детским писателем ради своей дочери» [Имшенецкая 1916, 149].

В согласии с руссоистской (и филантропической) концепцией ребенка, последний живет в согласии с природой. Соответственно писатель, изображающий в своих произведениях природу, метонимически становится детским. «Первое, что обращает внимание в произведения Мамина-Сибиряка, — продолжает Мария Имшенецкая, — это его вдохновенная любовь к природе», и то, что он любит рассказывать о людях, «исключительно привязанных к животным» [Там же]. Это свойство писателя регулярно подмечалось педагогической критикой. Прежде всего, у Мамина-Сибиряка отмечали его экологическое видение природы, но с не меньшим интересом либеральные критики обнаруживали, что

<...> человек у Мамина-Сибиряка, как животное, как вся природа, прежде всего только часть одного большого живого целого; самые сильные душевные движения переживаются людьми стихийно просто, никогда не заслоняя этого целого [Там же, 150–151].

Пантеистическая философия, соединенная с философией борьбы за жизнь, была очень привлекательна для либеральных критиков. Мистически-метафорическое познание Маминым-Сибиряком «тайны жизни этого целого» казалось педагогам верным способом познать действительность.

Советские критики также всегда высоко оценивали мастерство изображения природы у Мамина-Сибиряка, у которого природа «врастает в сюжет», образует «предельно конкретный пейзаж»,

«имеет большое научно-познавательное значение», «его предельная конкретность дает ощущение простоты, свежести, доступности» [Брайнина 1933, 5].

Наличие у писателя, адресующего свои произведения детям, детских черт личности (в том числе, близость к природе), наследующее романтической концепции «детскости» и естественности любого художника, переосмысливается в педагогической критике как специфическая черта именно такого типа писателя — писателя для детей. Приписывание Мамину-Сибиряку «детского взгляда» на мир позволяет выделить определяющие черты личности именно детского писателя, которые впоследствии будут распространены на всех авторов, пишущих для детей. Перефразируя известного теоретика детской литературы, Перри Нодельмана, можно сказать, что в момент становления категории детского писателя в личности претендентов на это звание критики искали признаков «скрытого ребенка», в то время как в ситуации сформированного представления о том, кто таков детский писатель, в нем пытаются обнаружить «скрытого взрослого» [Nodelman 2008].

Называя Мамина-Сибиряка «внимательным наблюдателем, реалистом», И. Соловьев устанавливает зависимость между умением Мамина-Сибиряка наблюдать природу и реалистическим типом письма [Соловьев 1912, 112]. Собственно, «жизненная правда, строгая реалистичность изображения» [Саввин 1908, 322] — это те черты художественного метода Мамина-Сибиряка, которые поставили его практически вне конкуренции в иерархии авторов, пишущих для детей, в 1890–1910-е гг.

Большинство рецензентов отмечают, что именно реалистический метод стал залогом высокой художественности произведений Мамина-Сибиряка. Здесь надо понимать, что мы имеем дело с нравственно-эстетическими представлениями большинства педагогов, писавших о детской литературе. Это на момент 1890–1910-х гг. люди, в подавляющем большинстве сочувствовавшие народническим идеям и либеральным ценностям. Именно поэтому они с большим вниманием относились к объектам художественного изображения Мамина-Сибиряка:

В своих рассказах-очерках Мамин-Сибиряк простым и образным языком рисует действительность, без идеализирования и сгущения красок, тонко отмечая все характерное в человеке и окружающем его быте [Имшенецкая 1916, 149].

В оценке Мамина-Сибиряка М. В. Имшенецкой вторил А. Налимов, находя у него «живые, захватывающие, неотступные в вооб-

ражении чтеца образы и образы, помимо тенденций поучительные» [Налимов 1902, 300]. Важным свойством этих образов оказывается то, что они почерпнуты из окружающей жизни — жизни детей уральской провинции, деревни и города:

Галерея детских портретов в сочинениях Мамина-Сибиряка окрашена грустным колоритом: в большинстве случаев дети крестьянские и городского пролетариата — несчастные обездоленные существа, с пеленок придавленные нуждой и очень редко выбирающиеся из нее [Саввин 1908, 268].

Вторая черта, которую приветствуют критики, это использование этнографического (*бытописательского* в терминах той эпохи) материала из жизни уральского региона:

Среди маленьких людей, о которых он больше всего пишет, людей, живущих злобами и заботами текущего дня, с мечтами скромными, как их жизнь, встречаются в его рассказах иного склада герои, являющиеся как бы порождением природы Урала, с которым у автора связывалось представление о воле, диком просторе и каком-то размахе. Это люди большею частью опустившиеся или какие-нибудь неудачники, внешне покорные судьбе и людям, но часть с неукротимым духом протеста. Они проносят неприкосновенным через всю свою жизнь свой особый душевный склад, духовную независимость, а с этим порой и тоску по своей погибшей жизни («Савка», «Савоська», «Яшка» и др.) [Имшенецкая 1916, 150].

Н. В. Чехов, имея в виду эту часть произведений Мамина-Сибиряка, относит его к отдельному направлению в детской литературе, которое он называет *народническим*:

С конца 60-х годов в нашей литературе преобладающее значение получает направление, известное под названием народнического. Это направление скоро проникает в нашу детскую литературу и, надолго, почти совершенно овладевает ею. В детской литературе это направление продолжает существовать и до наших дней.

Основные черты его: исключительный интерес к народной, по преимуществу деревенской жизни, исключительно внимательное отношение к её устоям и идеалам, с некоторою их идеализацией, и глубокое сочувствие народу: всё это передалось и в детскую литературу. Перешёл в неё и тот грустный тон, то взятое из жизни преобладание тёмных сторон над светлыми, которое было в народнической литературе естественным отражением действительной жизни деревни. И этот тон, способный при постоянном влиянии на ещё неокрепшую душу ребёнка развить в нём пессимистическое настроение, составляет слабую сторону этого направления нашей детской литературы. Детям гораздо более свойственно веселье и радость, чем печаль и отчаяние. <...> Это

направление, более чем какое-нибудь другое, знакомит читателя с деревенской, трудовой жизнью в её главнейших явлениях, но она не даёт того, что вселяет бодрость, желание борьбы и работы, не даёт руководящих начал в стремлении вперёд. А между тем среди писателей этого направления было немало талантливых, и их сочинения не могут быть исключены из нашей детской литературы [Чехов 1915, 41].

И далее педагог продолжает о Мамине-Сибиряке, который занимает в нашей детской литературе особое, можно сказать, исключительное место. Прекрасный знаток народной жизни на далёкой окраине (Урал), жизни, как русских, так и инородцев, он дал для детской литературы несколько прекрасных рассказов в народническом духе [Чехов 1915, 42].

Особенность письма «настоящего призванного» писателя Мамина-Сибиряка, которую ему приписывают в сравнении с другими реалистами, писавшими для детей, состоит в преодолении натурализма:

Нынешним же писателям из числа присяжных педагогических, но не из настоящих призванных, грозит, кажется, беда от моды, что ли на «реализм», [потому что] мнимо-поэтическое фотографирование и безыдейный реализм в беллетристике — прямо ненужные стилистические упражнения [Налимов 1902, 295–296].

С точки зрения педагогов, Мамин-Сибиряк не следовал моде на спекулятивный реализм, натуралистически изображавший социальные язвы российской жизни (во «взрослой» критике Мамина-Сибиряка нередко относили к представителям именно натуральной школы). Важнейшее его свойство, подмечаемое большинством критиков, — это то, что он «пессимист, но не озлобленный» [Родников 1923, 251], «зовущий юные души к светлым гуманным мыслям, постоянно дающий высокие впечатления и часто сообщающий ценные сведения» [Саввин 1908, 332].

И для дореволюционных критиков, и для послереволюционных «огромная гуманизирующая сила» [Там же, 323] творчества Мамина-Сибиряка будет вне конкуренции. По мнению дореволюционных педагогов, Мамин-Сибиряк любит жизнь, как она есть, и воодушевляет детей «бодрыми, жизнерадостными настроениями», в мрачном он «часто ищет светлых точек и к ним устремляет читателя» [Соловьев 1912, 117].

После революции чистого гуманизма будет уже недостаточно. С точки зрения Б. Брайниной², идеологически он был «чужим», и уж тем более не был революционером, сохранив «следы мелкобуржуазного идеализма и либерализма». По ее мнению, его рассказы

«ярко, хотя и недостаточно критически, несколько созерцательно раскрывают перед ребенком быт дореволюционного крестьянства во всей его тягостной нужде, придавленности и темноте» [Брайнина 1933, 6].

Вслед за Б. Брайниной в том же 1933 г. пишет о Мамине-Сибиряке и А. П. Бабушкина. Излагая свое видение его творчества, она приводит расхожую цитату из рассказа «В худых душах»: «Происходит пожирание одних людей другими, и в этом процессе пожирания друг друга творится тайна жизни», — и резюмирует:

В этом, по существу, лежит оправдание писателем эксплуатации капитализмом угнетенных — закон борьбы за существование царит над миром, «его же не преjdeши».

Вот почему у Мамина-Сибиряка чувствуется ирония к существующему строю, но нет протеста против него. Его творчество не организует сознание читателя для борьбы с капитализмом, так как неправильно вскрывает социальную закономерность. Поэтому, преподнося ребенку сказки Мамина-Сибиряка, нужно, очевидно, сопровождать их соответствующей педагогической работой [Бабушкина 1933, 21].

И в последующие годы трактовка Мамина-Сибиряка как «недореволюционера» будет очень популярна в среде педагогической критики, отсутствие в его произведениях тенденциозности, за которую его так хвалили дореволюционные критики, например, А. Налимов [Налимов 1902], станет серьезным недостатком в глазах советских педагогов.

Тем не менее, творчество «талантливого писателя эпохи промышленного капитализма» [Бабушкина 1933, 19] по всем основным признакам отвечало представлениям советских критиков о правильной «реалистической детской литературе» [Крестьянская 1952, 7]. Особенно показательным, как в 1930-е гг. «Аленушкины сказки» подвергались под реалистический способ изображения действительности. Впрочем, заложили такую возможность для интерпретации сказок Мамина-Сибиряка дореволюционные предшественники советских педагогов. Так, И. Соловьев заметил уже в 1912 году, что

в сказках Мамина совсем нет волшебников, фей, злая и добрая демонологическая сила устранена с начала и до конца. Здоровое чувство действительности подсказало автору, что *реальные* (курсив в источнике — С. М.), хорошо известные детям предметы могут служить хорошим материалом для фактического творчества: от этого оно отнюдь не теряет своей обаятельной власти. И это не парадокс, если мы скажем, что особенность сказок этого писателя — в их *реальности* (курсив в источ-

нике — С. М.), ярко выраженном *чувстве действительности* (курсив в источнике — С. М.) [Соловьев 1912, 103].

И. Соловьеву через 10 лет вторит В. Родников, практически слово в слово повторяя его формулировки. И затем подытоживает: «Этой стороной своего творчества Мамин-Сибиряк создает целое направление в детской литературе — направление художественного реализма. По его стопам идут Немирович-Данченко, Баранцевич, а позднее Куприн, Серафимович, Чириков, Шмелев» [Родников 1923, 253].

А. Бабушкина еще спустя десять лет назовет свою статью «Реалистические сказки (Мамин-Сибиряк Д. „Аленушкины сказки“)». Оксюморонность этого словосочетания в 1933 г. уже никого не могла удивить: стремительно шло публичное формулирование основных постулатов социалистического реализма и «реалистические сказки» вполне вписывались в эту новую парадигму. Педагог и будущий главный редактор журнала «Детская литература» припишет Мамину-Сибиряку лавры создателя нового типа сказки:

Выступив в роли сказочника, Мамин буквально сделал переворот в истории русской сказки, он развенчал господствующую форму сказки, удачно пародируя ее, и положил начало новой сказке, основы которой, думается, могут служить почвой и для создателей современной сказки [Бабушкина 1933, 19–20].

Стоит остановиться подробнее на педагогической концепции эволюции литературной сказки, так как она во многом объясняет, как советским педагогам в начале 1930-х гг. удалось примирить фантастический модус письма с требованием реалистичности в детской литературе.

Ссылаясь на нехватку места, чтобы осветить «пути борьбы писателя с традициями старой сказки», А. Бабушкина разбирает только один пример — «Сказку про славного царя Гороха и его прекрасных дочерей царевну Кутафью и царевну Горошинку». Рассуждая о жанре сказки, она относит ее к «сдвоенной пародии — пародия на монархию и пародия на традиционную русскую сказку» и добавляет, что «сказка принимает форму яркой сатиры» [Там же, 19]. С ее точки зрения, Мамин-Сибиряк, «сохраня торжественный, приподнятый стиль, изнутри пародирует литературную форму господствующей сказки» [Там же, 20].

Такой интерпретацией жанрового своеобразия «Сказки о Горохе» А. Бабушкина вступает в полемику (скорее всего, невольную) с другим авторитетным педагогом Николаем Саввиным, который за двадцать лет до статьи А. Бабушкиной высказался прямо

противоположно: «ни скупость, ни легкомыслие царя Гороха не возбуждают у читателя неприязненного чувства: так мягко автор рассказывает про их недостатки, в конце концов возбуждающие даже сочувствие к несчастным правителям». На основании такого отношения Мамина-Сибиряка к представителям власти критик и сделал вывод об «огромной гуманизирующей силе» его творчества [Саввин 1908, 323].

Однако к началу 1930-х гг. авторитет Н. Саввина уже не был таким весомым, как в 1912 г., и торжествовала альтернативная точка зрения на Мамина-Сибиряка как на сказочника-материалиста:

«Отвергая старую сказку с ее преклонением перед монархией, с ее чертовщиной, мистической фантастичностью, Мамин противопоставляет ей свою сказку, проводящую материалистические взгляды» [Бабушкина 1933, 20].

По сути дела, основным признаком реалистической сказки становится изображение в ней социальных проблем с точки зрения большевистской морали. Необходимость придать реалистичность другой разновидности сказок Мамина-Сибиряка — сказкам о животных — тоже требовала применить к ним аналогические приемы вчитывания социальной проблематики:

Рядом со сказкой, пародирующей социальный строй, он создает сказку о природе. Это «Светлячки», «Сказки и рассказы», сюда же относятся и «Аленушкина сказки», в которых мир животных со всеми характерными особенностями выступает перед взором ребенка.

Мамин-Сибиряк, выбрав трудный и рискованный метод антропоморфизма — раскрытия животного мира путем его очеловечивания, в то же время избежал подстерегающих в таком случае писателя провалов: его животные не теряют своего индивидуального облика [Там же, 20].

Прикладная функция сказок Мамина-Сибиряка («мир животных служит ему, по существу, для изображения мира социального») находит безусловное одобрение у советского педагога: «Ребенок из сказок узнает не только о характере животных, но и о характере социальных отношений» [Там же, 20]. И здесь пристрастие Мамина-Сибиряка к дарвиновской философии борьбы (во всех ее проявлениях в животном и человеческом мире) тоже оказывается востребовано и позволяет педагогам заявить, что «представление писателя о социальных отношениях, основанных на дарвиновском законе борьбы за существование, очень обнаженно выступает» в сказке о Воробье Воробьевиче и Ерше [Там же, 20].

Возможность вычитать в сказках Мамина-Сибиряка дарвиновскую философию естественного отбора, перенести ее на поле со-

циальных отношений — именно это выгодно отличало Мамина-Сибиряка от его соратников по цеху в глазах советских критиков. Реализм в рассказах и социальный дарвинизм в сказках обусловили особое положение Мамина-Сибиряка.

Еще одно существенное свойство Мамина-Сибиряка, которое окончательно закрепило за ним статус корифея детской литературы, — это его отношение к своим читателям. Для педагогической критики более чем важно, насколько писатель интересуется своим читателем, сколько и каких усилий он прикладывает, чтобы воспитать своего читателя-ребенка. Прагматика литературного творчества для детей всегда находится если не в центре, то под пристальным вниманием критика-педагога. В этом качестве Мамин-Сибиряк может сравниться только со Львом Толстым.

Проблема «поэт и толпа» применительно к детской литературе всегда решалась в пользу просвещения толпы. Тесно связанные с народническими просветительскими идеями, авторы публикаций в «Народном учителе» и «Русской школе» полагали, что литераторы, берущиеся писать для детей, должны доносить до них идеи добра и здравого смысла. Такая позиция не исключала неприятия прямого дидактизма и нравоучительности, но и не предполагала отказа от воспитательной функции детской литературы. Ее успешная реализация могла состояться только в условиях, когда писатель стремился понять ребенка, сблизиться с ним как со своим читателем. Распространение экспериментальных исследований читателя-ребенка также способствовало укреплению этой позиции. Поэтому И. Соловьев мог себе позволить утверждение: «Мамин-Сибиряк был художником-педагогом, и в этом вся сила его как писателя для детей» [Соловьев 1912, 117].

И тем не менее Мамину-Сибиряку, в отличие от писателей-дидактов или писателей, удовлетворяющих потребности неполноценного читателя-ребенка в развлечении, удалось, по мнению критиков, нащупать золотую середину:

Как истинный художник Мамин прекрасно понимал, что с детьми можно беседовать просто, правдиво и искренно, что многие стороны жизни в творческом образе легко могут быть ими поняты. Поэтому не нужно прибегать к фальшивой натянутости, снисходительной сентиментальности и поучающей тенденциозности [Там же, 100].

Простота, правдивость и искренность — критерии, которые использовались в литературной критике задолго до момента, когда педагогическая критика стала формулировать свои представления

об истинном детском писателе, который приравнивался к любому «истинному художнику», пишущему для взрослых.

Категория правдивости оказалась одной из ключевых в характеристике детского писателя. Правда изображения тесно увязана в представлениях критиков с художественностью. В этом они наследуют позиции Н. Добролюбова и его последователя Н. Чернышевского, для которых «если произведение правдиво, то оно и художественно» [Вдовин 2011, 175]. Н. Абрамович восторгается ловкостью Мамина-Сибиряка в том, как он сочетает правдивость и художественность с простотой и доступностью детям:

Для писателя-новичка в этой области предстояла хотя трудная, но благодарная задача — найти такую форму литературного произведения, которая, сохраняя правдивость, художественность своего содержания, была бы в то же время вполне доступна детям [Абрамович 1905а, 104].

Дети здесь оказываются сродни непросвещенной публике — читателям из народа. И читатели из низших социальных слоев, и дети любых сословий рассматривались педагогами как объекты воспитательных усилий писателей. Но достичь одновременно и художественного качества произведений, и решения воспитательных задач могли далеко не все авторы, работавшие для народного читателя и читателей-детей. Мамина-Сибиряка педагоги выделяли. По мнению М. Имшенецкой,

Значение его произведений, как детского чтения, несомненно в том, что дети найдут в них простое, правдивое и художественное изображение действительности, повседневной жизни, чуждое сантиментальности и вместе с тем проникнутое мягким, доброжелательным отношением ко всему живому, изображение полное свежести, непосредственности и заражающей любви к природе [Имшенецкая 1916, 153].

В этом определении творческой личности Мамина-Сибиряка слиты воедино этические и эстетические критерии оценки: писатель совмещает не критическое отношение к действительности и ее достоверное изображение.

Отталкиваясь от чрезмерно дидактической и, напротив, развлекательной литературы, педагоги возвели Мамина-Сибиряка на пьедестал «корифеев детской литературы». Недооцененный «взрослой критикой», писатель (о недооцененности говорил и он сам, и его современники³) оказывается первым среди детских писателей. Почему это место не заняли его конкуренты П. Засодимский, В. Авенариус, Вас. Немирович-Данченко, К. Станюкович? Кто-то был излишне дидактичен, кто-то был штатным сотрудником педагогического ведомства, кто-то жанрово однообразен. Но, как пред-

ставляется, в случае с выдвижением Мамина-Сибиряка на звание «главы детской литературы» повлияло несколько причин.

С одной стороны, по мнению критиков, он умел сохранить эмоциональную связь с детьми, воскресив детские впечатления и наблюдая за собственной дочерью. С другой — он применил народническую оптику в изображении российской повседневности. С третьей — разновозрастность адресатов его творчества (и для малышей, и для подростков) и соответственно разножанровость произведений (сказки, очерки, рассказы). Такой универсализм играл на руку его высокой репутации: в то время как «отдельные писатели, которые оставаясь писателями для взрослых по преимуществу, от времени до времени дарили детской литературе своё внимание и выпускали несколько более или менее ценных рассказов для детей» [Чехов 1915, 42], Мамин-Сибиряк регулярно публиковался на страницах детской периодики, выпускал произведения для детей отдельными изданиями.

Кроме того, для критиков детской литературы особое значение имел его регионализм. При составлении малого национального литературного канона — канона детской литературы — региональная специфика многих его произведений (бытописание Урала) оказалась весьма востребована в глазах педагогов. Небывалые места, неординарные люди, удивительные случаи, столь популярные у ребенка-читателя (в это же время в детское чтение приходят Ж. Верн и Ф. Купер), в творчестве Мамина-Сибиряка детонируют с неоромантизмом конца XIX в. и одновременно предлагают для детской литературы экзотический материал российского происхождения — люди и природа Урала.

В силу всех названных причин на рубеже XIX-XX вв. на роль главного детского писателя педагогическим экспертным сообществом был избран не чиновник канцелярии Ведомства учреждений императрицы Марии В. П. Авернариус и не пессимистичный певец народных страданий П. В. Засодимский, а Мамин-Сибиряк — детолюбивый отец, пишущий для своей дочери рассказы о «народной жизни на далёкой окраине», окрашенные в теплые тона «без идеализирования и сгущения красок».

Примечания

¹ Материалом для статистического анализа выступила база данных «Критика детской литературы: 1864–1940 годы», собранная участниками проекта «Воспитание нового читателя: литература для детей в педаго-

гической критике и цензуре (1864–1934)», которая включает в себя 2 650 библиографических записей (база собрана как на основе опубликованных библиографических указателей, так и при просмотре журнальной периодики de visu). Данная библиографическая база в виде библиографического указателя готовится к печати и доступна в электронном виде на сайте Центра исследований детской литературы ИРЛИ РАН.

- ² На момент 1933 года Берта Яковлевна Брайнина — начинающий критик, соавтор школьного учебника по литературе (1935). В дальнейшем одиозный плодовитый литературный критик, лауреат Сталинской премии третьей степени (1952) за биографию Константина Федина (1951).
- ³ См. альтернативную точку зрения земляка Мамина-Сибиряка П. Бажова: «Он, общепризнанный писатель, в расцвете своего таланта, выступил в рядах „детских“, „второстепенных“» [Бажов 1913, 495].

Литература

Источники

Абрамович 1905 — Абрамович Н. Художественность и дидактика // Педагогический листок. 1905. № 4. С. 288–296. (Abramovich N. Khudozhestvennost' i didaktika // Pedagogicheskii listok. 1905 № 4. S. 288–296.)

Абрамович 1905a — Абрамович Н. Детская художественная литература // Вестник воспитания. 1905. № 2. С. 100–121. (Abramovich N. Detskaya khudozhestvennaya literatura // Vestnik vospitaniya. 1905a. № 2. S. 100–121.)

Бабушкина 1933 — Бабушкина А. Реалистические сказки (Мамин-Сибиряк Д. «Аленушкины сказки») // Детская и юношеская литература. 1933. № 12. С. 19–21. (Babushkina A. Realisticheskie skazki (Mamin-Sibiriyak D. «Alenushkiny skazki») // Detskaya i yunosheskaya literatura. 1933. № 12. S. 19–21.)

Бажов 1913 — Бажов П. П. Мамин-Сибиряк как писатель для детей // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1913. № 19. С. 493–500. (Bazhov P. P. Mamin-Sibiriyak kak pisatel' dlya detei // Ekaterinburgskie eparkhial'nye vedomosti. 1913. № 19. S. 493–500.)

Брайнина 1933 — Брайнина Б. Мастер детского рассказа (Мамин-Сибиряк Д. Избранные рассказы) // Детская и юношеская литература. 1933. № 10. С. 4–6. (Brainina B. Master detskogo rasskaza (Mamin-Sibiriyak D. Izbrannye rasskazy) // Detskaya i yunosheskaya literatura. 1933. № 10. S. 4–6.)

В-лин 1893 — В-лин. Идеиность и художественность в детской литературе // Русская школа. 1893. № 7–8. С. 82–98; № 9–10. С. 92–102. (V-lin. Ideinost' i khudozhestvennost' v detskoj literature // Russkaya shkola. 1893. № 7–8. S. 82–98; № 9–10. S. 92–102.)

- Ермилов 1895* — Ермилов В. Вопросы жизни и книги // Педагогический листок. 1895. № 3. С. 51–57. (Ermilov V. Voprosy zhizni i knigi // Pedagogicheskii listok. 1895. № 3. S. 51–57.)
- Имшенецкая 1916* — Имшенецкая М. Д. Н. Мамин-Сибиряк // Что и как читать детям. 1916. № 5–6. С. 149–163. (Imshenetskaya M. D. N. Mamin-Sibiriyak // Chto i kak chitat' detyam. 1916. № 5–6. S. 149–163.)
- Калмыкова 1924* — Калмыкова А. М. Чего мы ждем от наших писателей-художников // Новые детские книги. 1924. № 3. С. 11–27. (Kalmykova A. M. Chego my zhdem ot nashikh pisatelei-khudozhnikov // Novye detskie knigi. 1924. № 3. S. 11–27.)
- Кремянская 1952* — Кремянская Н. И. Д. Н. Мамин-Сибиряк как детский писатель. Свердловск, 1952. (Kremyanskaya N. I. D. N. Mamin-Sibiriyak kak detskii pisatel'. Sverdlovsk, 1952.)
- Налимов 1902* — Налимов А. Тенденциозность в детских книжках // Воспитание и обучение. 1902. № 9. С. 289–303. (Nalimov A. Tendentsioznost' v detskikh knizhках // Vospitanie i obuchenie. 1902. № 9. S. 289–303.)
- Острогорский 1895* — Острогорский В. Детей воспитывает в чтении художник — человек и литератор // Педагогический листок. 1895. № 1. С. 11–23. (Ostrogorskii V. Detei vospityvaet v chtenii khudozhnik — chelovek i literator // Pedagogicheskii listok. 1895. № 1. S. 11–23.)
- Родников 1923* — Родников В. Д. Н. Мамин-Сибиряк как детский писатель // Путь просвещения. 1923. № 1. С. 247–257. (Rodnikov V. D. N. Mamin-Sibiriyak kak detskii pisatel' // Put' prosveshcheniya. 1923. № 1. S. 247–257.)
- Саввин 1908* — Саввин Н. Наша детская литература. Д. Н. Мамин-Сибиряк // Педагогический листок. 1908. № 4. С. 261–271; № 5. С. 321–332. (Savvin N. Nasha detskaya literatura. D. M. Mamin-Sibiriyak // Pedagogicheskii listok. 1908. № 4. S. 261–271; № 5. S. 321–332.)
- Саввин 1926* — Саввин Н. Основные направления детской литературы. [Л.]: Брокгауз–Ефрон, 1926. (Savvin N. Osnovnye napravleniya detskoj literatury [L.]: Brokgauz–Efron, 1926.)
- Соловьев 1912* — Соловьев И. Мамин-Сибиряк как писатель для детей // Вестник воспитания. 1912. № 9. С. 99–117. (Solov'ev I. Mamin-Sibiriyak kak pisatel' dlya detei // Vestnik vospitaniya. 1912. № 9. S. 99–117.)
- Тихомиров 1895* — Тихомиров Д. И. К вопросу о внеклассном и классном чтении (из личных воспоминаний) // Педагогический листок. 1895. № 4. С. 39–56. (Tikhomirov D. I. K voprosu o vneklassnom i klassnom chtenii (iz lichnykh vospominanii) // Pedagogicheskii listok. 1895. № 4. S. 39–56.)
- Чехов 1915* — Чехов Н. В. Введение в изучение детской литературы: изложение лекций народным учителям на летних курсах по вопросам детской литературы и детского чтения. М.: Изд-во Сытина, 1915. (Chekhov N. V. Vvedenie v izuchenie detskoj literatury: izlozhenie leksii narodnym uchitelyam na letnikh kursakh po voprosam detskoj literatury i detskogo chteniya. M.: Izd-vo Sytina, 1915.)

Шаталов 1885 — Шаталов И. Воспитательное значение отечественных писателей для начальной школы // Русский начальный учитель. 1885. № 1. С. 8–28; № 8–9. С. 386–407. (Shatalov I. Vospitatel'noe znachenie otechestvennykh pisatelei dlya nachal'noi shkoly // Russkii nachal'nyi uchitel'. 1885. № 1 S. 8–28; № 8–9. S. 386–407.)

Исследования

Вдовин 2011 — Вдовин А. В. Концепт «глава литературы» в русской критике 1830–1860-х годов. Тарту: Tartu University Pre, 2011. Вып. 26. (Vdovin A. V. Kontsept «glava literatury» v russkoi kritike 1830–1860-kh godov. Vyp. 26. Tartu: Tartu University Pre, 2011.)

Nodelman 2008 — Nodelman P. The Hidden Adult: Defining Children's Literature. Johns Hopkins, 2008.

Svetlana Maslinskaya

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) of the Russian Academy of Sciences

WHY HAS D. N. MAMIN-SIBIRIAK BECOME THE MOST PROMINENT CHILDREN'S WRITER: ON THE ESTABLISHMENT OF THE RUSSIAN CHILDREN'S LITERATURE CANON

The last part of the 19th century has seen an increasing number of writers who made children the addressees of their literary works. This process led to the formation of a particular hierarchy among those writers. Such hierarchical approach to literature for the young was performed by the pedagogues who discussed the values of literary works addressed at children on the pages of their professional journals. These discussions influenced the formation of the national canon of children's literature in the 19th century Russia. The article explores major directions in the creation of the writers' acceptability for the children's canon: their personal qualities, their artistic abilities, and creative styles. Special attention is given to the discursive mechanisms that assisted in constructing the writer's acceptability into this newly formed canon, such as, for example, an exclusion of "adult" writers from it or the process of imposing specific qualities on those who happened to write for children. There were precisely those qualities (love for children and nature, a realistic description of the world, populist values, and attention to exotic details of life in the Ural mountain region) that made Mamin-Sibiriak into the well-recognized premier representative of the Russian children's literature canon.

Keywords: D. N. Mamin-Sibiriak, children's literature, national literary canon, pedagogical critique of children's literature, realism, regionalism.